

УДК 94(571.1)
DOI 10.37386/2413-4481-2020-2-79-83

И.А. Ерёмин

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ РУССКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Выявляются и анализируются основные направления благотворительной помощи русским военнопленным со стороны жителей Западной Сибири в годы Первой мировой войны. На основе архивных документов и материалов периодической печати рассматриваются особенности организации и проведения благотворительных мероприятий в разные периоды войны. Автор приходит к выводу, что общественная благотворительность в регионе способствовала существенному улучшению положения этой категории жертв войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Западная Сибирь, русские военнопленные, благотворительная помощь.

I.A. Eryomin

CHARITABLE ASSISTANCE OF THE POPULATION OF WESTERN SIBERIA TO RUSSIAN PRISONERS OF WAR DURING WORLD WAR I

The main areas of charitable assistance to Russian prisoners of war by residents of Western Siberia during the First World War are identified and analyzed. On the basis of archival documents and periodical materials, the features of organizing and holding charity events in different periods of the war are considered. The author concludes that public charity in the region contributed to a significant improvement in the situation of this category of war victims.

Key words: World War I, Western Siberia, Russian prisoners of war, charitable assistance.

В последние годы выявилось четко выраженное стремление российского общества к переосмыслению исторического опыта ушедшего столетия, уроков и итогов его этапных событий. На этом фоне закономерным представляется оживление интереса к изучению истории Первой мировой войны – глобального конфликта, резко изменившего вектор развития многих государств. Решающее значение Первая мировая война имела для нашей страны. Вступление в нее России потребовало колоссального напряжения всех материальных и людских ресурсов, что стало одной из важнейших причин глубочайших социально-экономических и политических катаклизмов в 1917 г.

Изучение участия России в Первой мировой войне остается актуальной научной задачей, несмотря на наметившуюся в последние годы активизацию усилий отечественных и зарубежных историков по изучению ее различных аспектов. К числу наиболее важных и не исследованных в достаточной степени проблем относится благотворительная помощь русским военнопленным, которую оказывало население различных регионов страны в этот период.

Вопросы, связанные с пребыванием во вражеском плену военнослужащих вооруженных сил Российской империи, привлекли внимание исследователей в 1990-е гг. В этот период вышли работы Е.Ю. Сергеева, И. Ленцена, С.Н. Васильевой [1–3]. В 2000–2010-е гг. исследования С. Солнцевой, О.В. Нагорной, В.Л. Телицына, Е.С. Сенявской позволили решить многие научные проблемы, относящиеся к пребыванию русских военнопленных в Австро-Венгрии и Германии [4–7]. В то же время в современной научной литературе налицо дефицит исследований, посвященных региональной благотворительной помощи русским военнопленным в годы Первой мировой войны. В масштабах Сибири об этом идет речь в работе К.А. Тишкиной [8].

В данном исследовании делается упор на изучение различных аспектов благотворительной помощи русским военнопленным со стороны населения Западной Сибири. В начале XX в. в состав Западной Сибири входили территории Акмолинской и Семипалатинской областей, Тобольской и Томской губерний [9, с. 1].

Исследование базируется на широком спектре репрезентативных исторических источников, включающих как опубликованные, так и архивные документы, некоторые из которых в научный оборот вводятся впервые.

Большие возможности для изучения обозначенной проблемы открывает использование современной методологии. Современными исследователями модернизация понимается как комплексный процесс, охватывающий все стороны жизни общества, в результате которого происходит переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Одновременно здесь большое внимание уделяется «цивилизационным» факторам (традиции, ценностные установки, менталитет), которые в значительной степени определяют способность к модернизации «принимающей» культуры [10]. Благоприятность, как общекультурный феномен, вписывается в представленные данной методологией постулаты. В исследовании использовался историко-хронологический метод, позволивший характеризовать проводимый спектр благотворительных мероприятий на определенных этапах изучаемого периода.

Благотворительная поддержка населения региона сражающейся русской армии и всех тех, кто пострадал от военных действий, являлась одним из важнейших элементов народного патриотизма. В народном сознании война, особенно на начальном этапе, воспринималась как Вторая Отечественная. Благоприятность распространялась в годы войны не только на военнослужащих действующей русской армии, но и на тех солдат и офицеров, которые попали во вражеский плен. Людей, нуждавшихся в такой помощи, было очень много. К маю 1915 г. из почти 316 тыс. русских военнопленных, более 11,5 тыс. человек приходилось на уроженцев Западной Сибири [11, с. 157–158]. Всего к 1 сентября 1917 г., по данным русской Ставки, в плену находилось более 3,3 млн солдат и офицеров [12, с. 20].

Отношение официальных властей к солдатам и офицерам, попавшим в плен, было в целом сочувственным. Исключение составляли те, кто добровольно сложил оружие перед противником. Их семьи лишались любой государственной помощи. В этой связи следует подчеркнуть, что все годы войны в Западную Сибирь поступали достаточно подробные сообщения с фронта от командиров тех частей, где служили солдаты, дезертировавшие или добровольно сдавшиеся в плен. Число таких военнослужащих исчислялось сотнями [13, л. 5–7, 12–90]. Так, по сведениям командира 44-го

Сибирского стрелкового полка, 9 декабря 1914 г. уроженец с. Павловского Барнаульского уезда А.Т. Синцов вместе с 18 другими солдатами «добровольно и позорно сдался в плен германцам». А.Т. Синцов до мобилизации в армию работал младшим объездчиком Павловского лесничества Алтайского округа. Приказом начальника округа В.П. Михайлова обвиненный в добровольной сдаче в плен бывший младший объездчик увольнялся с занимаемой должности, а его семье прекращалась выплата пособия [14, л. 1–7].

Если же сотрудники государственных учреждений или ведомств были «захвачены в плен», то, согласно утвержденному царем 17 февраля 1915 г. положению Совета министров, за ними полностью сохранялось денежное содержание, которое выдавалось их семьям «впредь до возвращения пленных к местам служения» [15, л. 87].

Что касается непосредственной помощи русским пленным на территории противника, то точка зрения правительства заключалась в следующем. Содержание попавших в плен соотечественников должно было производиться из экономических ресурсов воюющих с Россией держав. Правящие круги в этом вопросе исходили из того, что всякая государственная материальная помощь будет способствовать усилению ресурсов враждебных России стран и повысит их возможности в ведении войны. Отсутствие широкомасштабной помощи со стороны правительства объяснялось также тем, что государственные «ассигнования» могли вызвать «у слабовольных элементов армии» представление, что русская власть снисходительно относится «к таким нежелательным явлениям, как сдача в плен здоровых солдат» [16, с. 179]. Об этом, по данным члена Государственного Совета в период войны А.Ф. Редигера, прямо заявил на собрании этого органа в июне 1916 г. заведующий делами помощи военнопленным князь Н.Д. Голицын, подчеркнувший, что «этим путем удастся уменьшить число сдающихся в плен» [17, с. 423–424]. Ту же мысль подтвердил председатель Особого совещания по обороне государства генерал М.А. Беляев. Он объяснял отказ властей разрешить Главному управлению Красного Креста опубликовать обращение к общественности с призывом об оказании помощи русским военнопленным желанием предотвратить массовую сдачу в плен, «случаи каковой, особенно в первый период кампании, были довольно многочисленны» [18, с. 109, 110].

В итоге в стране отсутствовала государственная программа и единый координационный центр по оказанию помощи пленным. Вопросы розыска,

связи и помощи пленным находились в ведении одновременно несколько организаций: Центрального справочного бюро о военнопленных в Петрограде, Отдела военнопленных при Ставке Верховного Главнокомандующего, Российского общества Красного Креста, Земского и городского союзов и т. д. Следствием такой официальной политики стало то, что за 1915–1916 гг. для многих сотен тысяч военнопленных русской армии, размещенных в концлагерях стран Четверного союза, поступило лишь 130 800 государственных продовольственных посылок [16, с. 173, 345].

Один из лидеров либеральной оппозиции П.Н. Миллюков считал, что одной из главных причин тяжелого положения русских военнопленных в Германии являлось «неправильное отношение нашей власти к вопросу об оказании им помощи». По его мнению, гораздо лучшие условия, в которых находились оказавшиеся в аналогичном положении военнопленные французы и англичане, были следствием широко поставленной в этих странах государственной помощи находящимся во вражеской неволе соотечественникам [18, с. 109].

Главную ставку в материальной помощи русским пленным правящие круги Российской империи сделали на подключение к этому делу общественной благотворительности. В рамках этой политики летом 1915 г. под покровительством императрицы был образован «Комитет помощи русским военнопленным». Его главная задача заключалась в «привлечении пожертвований для снабжения наших военнопленных предметами первой необходимости».

Огромную роль в работе комитета играли местные организации Российского общества Красного Креста. Постоянно получая большое количество пожертвований, комитет сосредоточился на продовольственном снабжении пленных, «голодавших в неволе». С этой целью через Швецию в лагеря для русских пленных направлялись продукты питания, которые раздавались нуждающимся под наблюдением представителей шведского Красного Креста. Другим направлением в деятельности «Комитета помощи русским военнопленным» стало снабжение пленных теплой одеждой и бельем. Не были забыты и «религиозно-нравственные запросы» пленных. С этой целью в странах, где размещались русские пленники, создавались православные духовные миссии. Кроме того, комитет высылал находившимся в неволе соотечественникам евангелия, различные книги религиозно-нравственного содержания, а также кресты. При комитете была организована

особая комиссия под председательством княгини О.П. Долгоруковой, на которую возлагалась забота «о судьбе отдельных пленных» [19, с. 175].

Все перечисленные виды помощи, которые осуществлял комитет, были бы невозможны без широкомасштабных материальных пожертвований, которые поступали в его адрес со всех концов страны. Свою лепту в дело помощи оказавшимся во вражеской неволе соотечественникам внесло и население Западной Сибири. Местные активисты общественных благотворительных организаций через прессу обращались к населению с призывом принять участие в сборе пожертвований в пользу «Комитета помощи русским военнопленным». Собранные в ходе сбора пожертвований деньги отсылались в Петроград в адрес комитета. Иногда собранные пожертвования из региона высылались в адрес Московского городского самоуправления, которое очень активно работало на поприще оказания помощи русским военнопленным [19, с. 175–176].

В регионе создавались бюро по отправке писем и посылок русским военнопленным. Как правило, они организовывались при местных отделах Сибирского общества помощи раненым или Всероссийского союза городов. Масштаб их благотворительной деятельности впечатляет. Так, только Барнаульским бюро в течение июня – июля 1916 г. было отправлено для пленных 97 денежных переводов, 554 посылки, 953 открытки и 127 разного рода запросов. Для облегчения доставки корреспонденции для русских пленных из региона учреждения Омского почтово-телеграфного округа выпустили в продажу почтовые карточки, которые предназначались «при отправке письменных сообщений на имя русских военнопленных за границу» по цене 1 коп. за две карточки. Руководство округа рекомендовало «в видах скорейшего пропуска цензурой как за границей, так и в России и быстрой пересылки к месту назначения письменных сообщений» пользоваться именно этими карточками [19, с. 176].

Кооперативные организации Западной Сибири осенью 1916 г. приняли активное участие в сборе продуктов для русских военнопленных, оперативно откликнувшись на обращение Главного комитета Всероссийского земского союза.

Газеты региона периодически публиковали на своих страницах отрывки из писем, которые получали родственники от находившихся во вражеской неволе своих сыновей и отцов. Из-за цензуры в концентрационных лагерях условия содержания русских пленников авторами писем описывались чаще всего иносказательно. Не вы-

зывает сомнения факт тяжелого положения русских военнопленных в неволе, особенно в плане организации нормального питания. Приведем некоторые примеры. Житель с. Павловского Барнаульского уезда получил письмо от сына, находившегося в германском плену. Успокаивая родных, сын сообщал, что живет он не один, а появились у него «три брата: Краюшкин, Картошкин и Голодаев». Причем с последним пленный виделся «по два раза в неделю». Пленный из с. Краснощёковского Змеиногорского уезда так описал своим родственникам нехватку хлеба в концлагере: «Дорогая жена, посылай мне посылки через 2 недели сухари и сахар, а сало не надо, потому что дети говорят: “папы тютю”». Автор газетной заметки пояснил, что крестьянские дети называли хлеб – «папа», а нет – «тютю». Пленные, не имевшие родственников, иногда обращались с просьбой о помощи непосредственно в органы местного самоуправления региона. На такой шаг решился, в частности, бывший служащий Барнаульской пожарной команды Г.П. Голец, находившийся в плену в Германии. Он обратился в августе 1916 г. в местную городскую управу с просьбой прислать ему «сушеного хлеба» [19, с. 176].

После Февральской революции отношение к русским пленным со стороны государства существенно изменилось. Для правительственной помощи им был организован Центральный комитет по делам военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста. Финансирование деятельности комитета брало на себя государство. Только для нужд русских военнопленных в Турции Временное правительство в августе 1917 г. приняло решение выделять ежемесячно почти 320 тыс. руб. [20, л. 74].

Более организованной стала и работа благотворительных организаций в регионе, которые в этот период делали упор на поставку продуктов питания для находившихся в неволе соотечественников.

Вернувшиеся в Западную Сибирь военнопленные, которых обвиняли в добровольной сдаче в плен, обращались в органы власти с просьбами о реабилитации и материальной компенсации. Так, А.Т. Синцов, бежавший из немецкого плена в мае 1917 г. и вернувшийся домой через Голландию в августе того же года, считал себя незаслуженно наказанным «прежней властью». В апреле 1918 г. он обратился в Алтайский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с прошением «дать его семье денежное пособие, дрова от лесной стражи Алтайского округа за два года» [21, л. 12-12 об.].

Таким образом, благотворительная помощь населения Западной Сибири русским военнопленным стала одним из элементов народного патриотизма в годы Первой мировой войны. В условиях отсутствия государственной программы и единого правительственного органа по оказанию помощи пленным решающую роль в этом деле вплоть до февраля 1917 г. играла общественная благотворительность.

Как и в других регионах Российской империи, в Западной Сибири развернулась энергичная работа благотворителей, представлявших все сословия русского общества, по сбору и отправке в лагеря для военнопленных продуктов питания, теплой одежды, белья, книг религиозно-нравственного содержания. Эта деятельность в определенной степени помогла смягчить тяжелое продовольственное положение русских военнопленных, оздоровить морально-нравственное состояние оказавшихся во вражеском плену соотечественников.

После свержения самодержавия главную роль в финансировании помощи русским военнопленным стало играть государство. Но весьма высокой продолжала оставаться в регионе доля общественной благотворительности, главные усилия которой были направлены на снабжение продовольствием военнопленных-сибиряков.

Библиографический список

1. Сергеев Е. Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65–78.
2. Ленцен И. Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 129–137.
3. Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. 133 с.
4. Солнцева С. Военный плен в годы Первой мировой войны: новые факты // Вопросы истории. 2000. № 4-5. С. 98–105.
5. Нагорная О. С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. 440 с.

6. Телицын В. Л. Возвращение домой. К истории русских военнопленных Первой мировой войны. М., 2011. 160 с.
7. Сенявская Е. С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник РУДН. Сер.: История. 2013. № 1. С. 64–83.
8. Тишкина К. А. Деятельность Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и Гражданской войн: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2018. 26 с.
9. Обзор Акмолинской области за 1915 год. Омск, 1917. 78 с.
10. Проскуракова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 154–159.
11. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. 440 с.
12. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. 103 с.
13. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 335. Оп. 606. Д. 26.
14. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 495.
15. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 302. Д. 280.
16. Труды военно-исторической комиссии. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920. 376 с.
17. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. М., 1999. Т. 2. 528 с.
18. Журналы Особого совещания по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918 гг. М., 1978. Т. I: 1917 год. 214 с.
19. Ерёмин И. А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). Барнаул, 2010. 293 с.
20. ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 261
21. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 495.